

Дмитрий Емец

МОЯ БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ ДЕНЬ КАРАПУЗОВ

Два ребёнка — это уже много, а три — это ещё

много. (Общественный факт)

Моя большая семья

Дмитрий Емец
День карапузов

«Емец Д. А.»

2016

УДК 821.161.1-31-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Емец Д. А.

День карапузов / Д. А. Емец — «Емец Д. А.», 2016 — (Моя большая семья)

ISBN 978-5-699-84760-0

Хотите найти динозавра, вырастить дерево желаний, защитить древнюю крепость и даже найти необычный клад? Тогда присоединяйтесь к семье Гавриловых, в которой, кроме папы, мамы и семерых детей, есть еще красноухая черепаха, голуби, ручные крысы, кошка и три собаки... И каждый день этого большого семейства наполнен радостью, весельем и, конечно, приключениями!

УДК 821.161.1-31-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84760-0

© Емец Д. А., 2016
© Емец Д. А., 2016

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	17
Глава третья	24
Глава четвертая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дмитрий Емец

День карапузов

© Емец Д., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Дмитрий Емец

МОЯ
БОЛЬШАЯ
СЕМЬЯ

ДЕНЬ КАРАПУЗОВ

Москва 2016

Светлой памяти моего папы Александра Ивановича

В небольшом приморском городе живет большая семья Гавриловых, перебравшаяся сюда из тесной московской квартиры. В семье семь детей и куча всевозможных животных: голуби, черепаха Мафия, рыбки, японские мышки, крысы во главе с главным крысом Шварцем, попугаи, морская свинка, кошки и собаки! И, разумеется, с этой семьей постоянно происходят разные забавные истории!

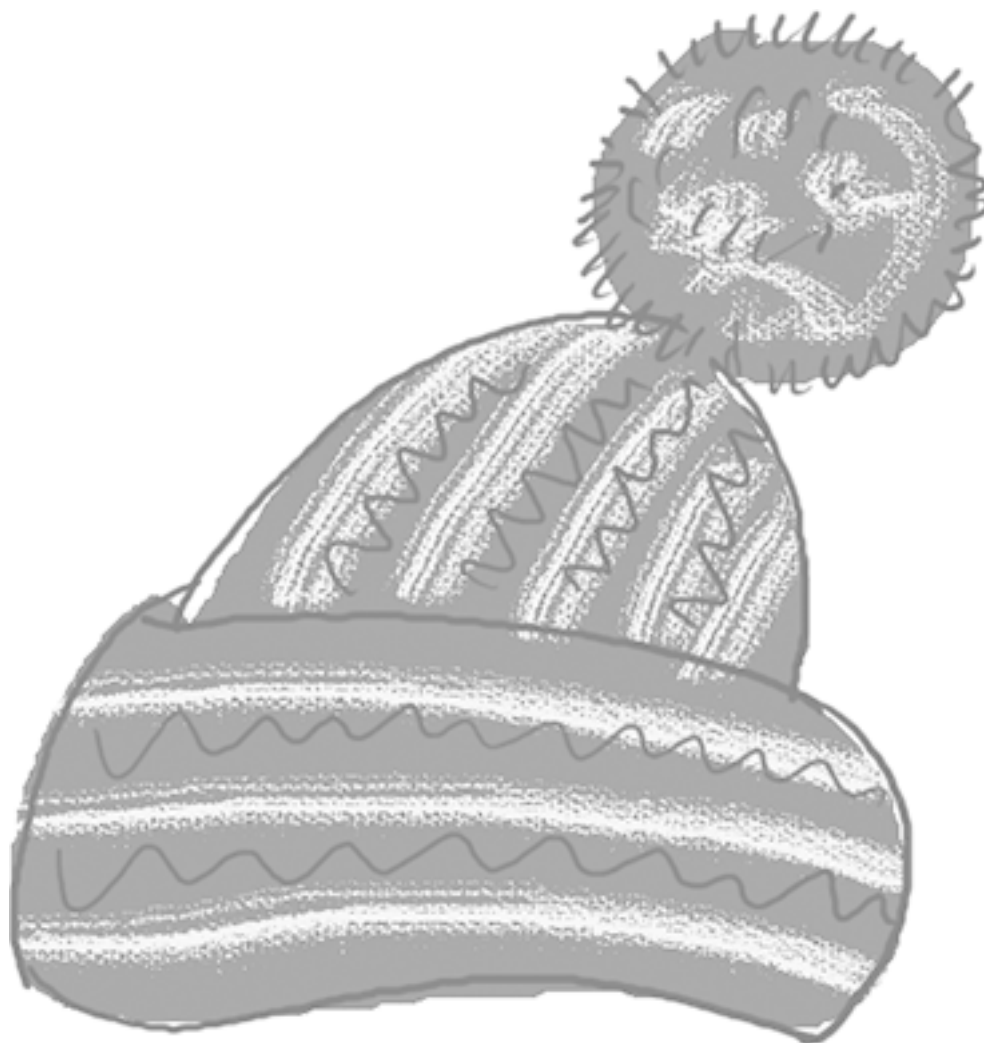
Глава первая

Серебряное солнце

Дети почему-то избирают своей жизненной программой не то, чему мы их учим и что произносим вслух, а то невысказанное, часто тщательно скрываемое, что составляет суть нашей природы и чем мы, быть может, сами совершенно не гордимся.

Просто мысль

Папа Гаврилов шел по берегу моря и буксировал за собой коляску, в которой сидели Саша, Рита и Костя. Именно за собой, а не перед. «Перед» ее было вообще не прокатить. Папа уже раз десять пожалел, что они вообще взяли коляску. Тащить малышей на плечах было бы удобнее. В песке колеса глубоко увязали, и вдобавок песок был покрыт толстым, с ладонь, слоем высохших водорослей. Временами на берегу попадались люди с большими мешками, которые собирали сухие водоросли для утепления стен и потолков и навьючивали их на велосипеды.

Костя в коляске ныл. У него была сильная привязанность к старой одежде, и он остро переживал любые изменения. А тут мама надела ему новую двойную шапку, потому что кепа-

рик с завязывающимися ушами для моря был слишком холодным. И вот всю дорогу Костя повторял: «Мой кепа-аа-рик!» – и дальше по кругу.

За папой вытянувшейся вдоль берега цепочкой брели мама, Петя, Вика, Алена, Катя – все мерзнувшие, с поднятыми воротниками. Последними тащились соседские Андрей с Серафимом, увязавшиеся за компанию.

Андрей, оцарапавший мизинец, когда они лезли через забор, страдал и все время повторял: «Я же говорил! Говорил! А теперь все! Все!» При этом, что именно он говорил и в чем именно состоит это «все», оставалось за кадром. Зато Серафим, у которого обе ноги были мокрые выше колен, потому что он влез в море, не жаловался и выглядел вполне довольным жизнью.

И вообще Серафим был очень смешной. Кроме того что он постоянно терялся, он еще все время говорил «здравствуйте», «спасибо» и «до свидания». Даже если просто уходил в соседнюю комнату, обязательно говорил «до свидания». А когда возвращался, говорил «здравствуйте!». И это было ужасно забавно: ходишь до дому и всюду встречаешь здоровающегося с тобой Серафима, выглядывающего отовсюду, едва ли не из шкафов.

С пляжа было никуда не удрать. От выложенной плиткой аллеи, тянувшейся вдоль моря, их отделял высокий вал песка, который сгребли к забору трактором, чтобы зимние шторма не уносили песок с пляжа в море. До ближайшей калитки оставалось еще метров триста – огромное расстояние для перегруженной коляски. Папа Гаврилов волок ее, представляя себя лошадью, а коляску плугом.

Внезапно коляска стала совсем уж тяжелой. Папа обернулся и обнаружил, что Петя потихоньку вытащил из нее Сашу, Риту и Костю и уселся в коляску сам.

– Брысь! Колеса сломаешь! Ты слишком тяжелый! – возмутился папа.

– Они прочные.

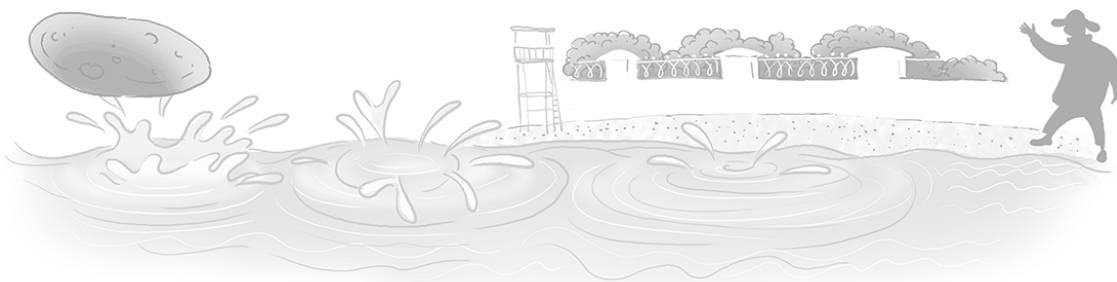
– У старой сломал!

– У старой не я сломал, а мама! – заявил Петя.

Мама смутилась. Отчасти Петя был прав. Прошлая коляска сломалась оттого, что когда Петя вот так же сел в нее, мама уселась ему на колени, чтобы показать, что этого делать не надо и он не маленький. Коляска не знала, что цели у мамы были педагогическими, и крикнулась.

Сгруженные на песок Саша, Костя и Рита занялись каждый своим делом. Рита стала рассаживать на мокром песке своих кукол, которых у нее было три. Звали их Жена Генерала, Итальянка и Лорелея. Слово «Лорелея» Рита выговорить не могла, да и остальные имена тоже регулярно путала. Выглядели куклы неважно. Лорелея облысела, а Итальянку Саша наполнил через дырочку в голове кефиром и оставил на ночь в морозилке, чтобы проверить, что будет, но симпатичнее кукла от этого не стала.

В данный момент Саша бродил по пляжу и находил выброшенные зажигалки. Некоторые из них попадались с газом и взрывались, когда по ним ударяли камнем. Попутно Сашу волновал вопрос: когда он будет старым, как дедушка, сможет ли он сам покупать сколько угодно спичек?

– Безусловно! – сказала мама и, наклонившись, ловко достала из кармана у Саши короб, который он уже где-то стащил, видимо припрятав на старость.

Рита стала ныть, что хочет пить:

– Пи-и-ить! Пи-и-ить!

Мама достала бутылочку с водой.

– Это не та вода! – быстро сказала Рита. Она уже увидела вдали красную крышу магазина и просчитала все варианты.

– Ха-ха! Обезвоженная ты наша! – басом сказал Петя из коляски. – В декабре нельзя хотеть пить!

Рита подозрительно уставилась на него и начала медленно открывать рот, одновременно закрывая глаза.

– Почему нельзя хотеть пить в декабре? – заинтересовался Саша. – А вон тот дядька?

Петя оглянулся.

– Вон тот дядька захотел пить еще летом, – шепнул он.

Оставив коляску в песке, папа подошел к морю и стал бросать плоские камни, заставляя их прыгать блинчиками. Внезапно что-то больно зацепило его по уху. Папа оглянулся и понял, что это Костя тоже учится бросать камни – и даже, можно сказать, научился.

Петя, убедившись, что коляску с ним никто не буксирует, сложил на животе ручки и поспорил с Аленой, Сашей и Катей, что они не сдвинут его с места. Катя на провокацию не поддавалась, только фыркнула, зато Алена с Сашей развили бурную деятельность. Им помогали Серафим с Андреем. Откопав колеса коляски, они стали раскачивать ее и сдвинули метра на полтора. Потом Серафим повис на ручке, и Петя вывалился в песок.

– Да ну вас! Ничего не умеете! – сказал он и, схватив за ручку пустую коляску, убежал с ней вперед, чтобы дразнить младших.

Саша, Рита и Костя пошли пешком. Отдохнувший на коляске Саша был свеженьким, как огурчик.

– Представляете какая наглость! Мне вчера перезвонили человек десять, потому что я случайно набирал их номера! – рассказывал он Андрею с Серафимом, забегая вперед, чтобы видеть их лица.

Рита, забывшая, что только что умирала от жажды, забиралась на песчаную гору и сбегала с нее в руки к маме. Катя пошла было ловить Риту, но тут рядом с ней кто-то сказал:

– Гуляем? А у меня вот выходной!

Катя обернулась. Рядом с ней стояла «мышинная девушка» Люба, работавшая в зоомагазине. Она была одета в рыженькую куртку и шапку с петушиным хохолком, которые делали ее обманчиво мирной. Катя, привыкшая видеть Любу в рабочем халате, фартуке и с метровой змеей в руке, не сразу ее узнала. Как если бы грозный боевой полковник вышел к солдатам в тапочках и в колпаке Санта-Клауса.

Рита в очередной раз скатилась с песочной горы и, решив, что устала, обвисла у мамы на руках.

– Ну что, пошли дальше! Рита замерзла! – крикнула мама, хотя на самом деле Рита раскраснелась от бега, а замерзла мама.

Они пошли по пляжу, а с ними вместе шла «мышинная девушка», заявившая, что ей безразлично в какую сторону гулять, потому что гуляние – это все равно убийство времени. К «мышинной девушке» приклеилась Алена, которая обожала, встретив нового человека, залюбить его до дыр. Кроме того, Алене важно было прояснить некоторые детали человеческих взаимоотношений.

– А вот если, например, где-то есть две девушки – одна красивая, а другая хороший человек, на которой быстрее поженятся? – спросила она.

Люба нахмурилась и подозрительно посмотрела на Алену, но лицо той выражало лишь искренний интерес.

– Это еще что за вопрос? Откуда я знаю? Я тебе что, жених? – возмутилась «мышинная девушка».

Алена обратилась с тем же вопросом к папе.

– Которая хороший человек! – бодро ответил папа.

Петя, тоже слышавший этот разговор, посмотрел на него без большого доверия.

– Тогда бы за страшными очередь стояла! – заявил он.

– А что, страшные девушки по умолчанию все хорошие? Красивые тоже могут быть неплохими людьми, – сказал папа Гаврилов.

– То есть из хороших людей мы рассматриваем только красивых? – с вызовом спросила Люба.

– Нет, – сказал папа. – Но красота – размытое понятие. Каждый человек обязательно для кого-нибудь красив.

– Даже полная квазиморда? – с сомнением спросила «мышинная девушка».

– Думаю, да. Но только при условии доброты.

Алене не понравилось блуждать в зарослях теории:

– Пап! А когда ты на нашей маме поженился, она была красивая или хороший человек?

– И красивая, и хороший человек! – сказал папа.

– Правильно! Была! А потом меня обвешали карапузами! – заявила мама, выдирая из руки у Кости палку, которой он хотел огреть Сашу за то, что тот бросил в него пучком водорослей.

Саша дернул папу за руку.

– Смотрите! – крикнул он, показывая на навес, подходящий к самой воде.

Вдоль моря по пляжу ходил высокий парень с миноискателем и широкими движениями шарил по песку, точно косил невидимую траву. Изредка парень замирал, и его движения становились осторожными, нащупывающими. Когда место было точно найдено, он саперной лопаткой начинал осторожно разгребать песок, что-то из него доставал и иногда отбрасывал, а иногда небрежно опускал в сумку.

– И *этот* здесь! Куда ни пойдешь – он повсюду торчит! – проворчала Люба, надвигая шапку себе на лоб.

– Кто? – спросила Катя.

– *Этот вот!* – повторила «мышинная девушка», и по тому, как она это произнесла, Кате все стало ясно.

«Этот» был Покровский, одноклассник Любы, который гонял по городу на велосипеде и завязывал шнурки посреди проезжей части.

– И чего он здесь делает? – спросил Саша.

– Шарит! Отдыхающие летом сережки теряют, кольца, цепочки всякие, их песком заносит, а он ходит и ищет! – сказала Люба.

– Да? – заинтересовался Петя. – И что, находит что-то?

– Кучу ржавых гвоздей! Лучше б на паперти стоял! – нарочито громко сказала «мышинная девушка».

Долговязый парень услышал ее голос, вздрогнул и обернулся.

– Привет! Это ты? – спросил он.

– Представь, я!

– Гуляешь?

Люба громко фыркнула:

– Сам догадался или кто-то подсказал?

Покровский хладнокровно пожал плечами и продолжил шарить. Костя и Саша не могли уже от него отлипнуть и ходили за ним хвостом. Покровский расщедрился и позволил Саше подержать миноискатель. Это была большая неосторожность, потому что Косте, разумеется, тоже сразу захотелось и он вцепился в миноискатель правой рукой. Выдирая миноискатель друг у друга, Костя и Саша побежали непонятно куда и упали в кучу песка.

Покровский кинулся за ними. Он явно беспокоился за свой новенький миноискатель.

– Эй! Не размахивайте! По камням не задевайте! Это вам не дубина! – испуганно вскрикивал он.

Наблюдая за мучениями бывшего одноклассника, «мышинная девушка» злорадно ухмылялась.

Наконец Покровскому удалось отобрать свой миноискатель. Не выпуская его из рук, он присел на камень и вытянул тощие ноги. Саша стоял рядом и, с почтением любуясь миноискателем, жадно спрашивал, находил ли Покровский бомбы. Оказалось, что бомб Покровский пока не находил. В основном он находил пивные крышки и высыпавшуюся из карманов мелочь.

– Ясно! – сказал Саша грустно и без всякого перехода добавил: – А правда, что один человек переложил цикория в кофе и стал пьяницей?

«Мышинная девушка» торжествующе захохотала. Покровский с подозрением покосился на нее, проверяя, не она ли научила Сашу такому бредовому вопросу.

– Не знаю. Это не ко мне. Я кофе не пью. И вообще ничего не пью, – сказал он.

Не получив внятного ответа, Саша с укором покачал головой. Ему не верилось, что такой знающий человек может быть не в курсе такой ерунды.

– А правда, что бензоколонку можно взорвать сотовым телефоном? – продолжал он.

– Как это?

– Как «как»? – поразился Саша. – Ну там же телефон нарисован зачеркнутый! Значит, можно! А какое слово нужно сказать в телефон, чтобы бензин наверняка взорвался?

Стремясь скрыть свое глобальное незнание, Покровский принялся угощать детей батоном, который был уже на треть обгрызен им самим.

Вика от батона отказалась, сказав, что не любит.

– А что ты любишь? – спросил Покровский.

– Она любит лошадей! – охотно сообщила Алена.

Вика покраснела, поскольку любовь к лошадям была ее самым большим секретом.

– Правда? – Покровский сунул руку в сумку, висевшую у него на плече. – Ну раз любишь – тогда дарю! Как раз сегодня нашел! Хотел у себя над дверью повесить!

И он вручил Вике железный полукруг. Вика нерешительно взяла его. Это оказалась тяжелая подкова, с одной стороны ржавая, а с другой отполированная до блеска.

Подарив подкову, Покровский вновь взял миноискатель и, расшвыривая мокрыми кроссовками водоросли, продолжил поиски. Папа Гаврилов ходил рядом с Покровским и расспрашивал его о металлоискателях. Тот авторитетно объяснял. Этот, по его словам, был середнячок, хотя и не совсем.

– Тут такое дело! Военная техника – хорошая, надежная, но дубоватая, и дизайн у нее обычно такой, чтобы враги боялись. Гражданская техника – с кучей милых фигурочек и удобных лампочек, но это не техника. А посередине как раз вот это вот! – и он нежно погладил свой металлоискатель.

– И как? – спросил папа. – Клады обнаруживать приходилось?

Покровский оторвал миноискатель от песка и быстро обернулся, проверяя, не стоит ли кто рядом. Лицо у него стало очень секретным.

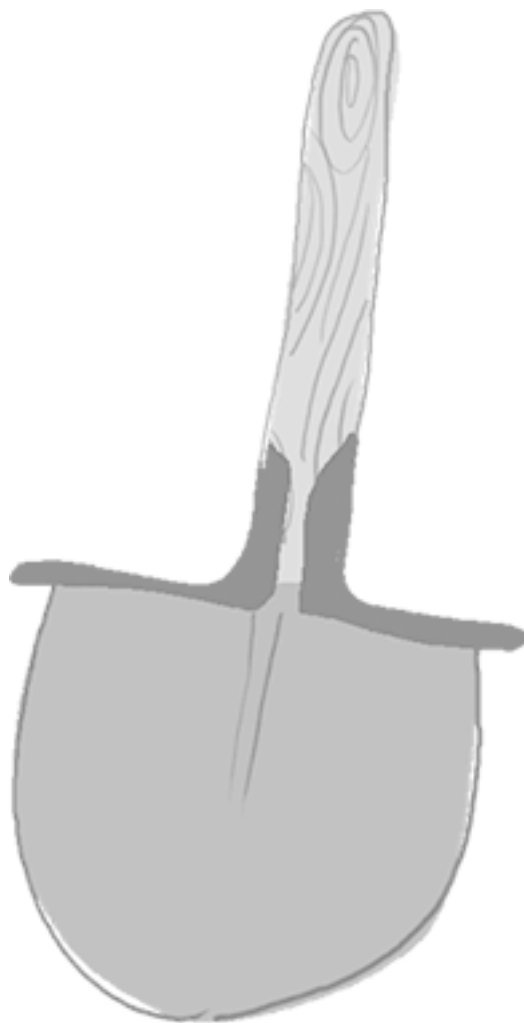
– Пока нет, но... – он замолчал и снова уткнулся в песок. Потом быстро повернулся к папе и взял его за пуговицу.

– У нас в Крыму полно кладов! – сказал он звенящим шепотом. – Просто все буквально засеяно кладами!

– Это еще откуда? – усомнился папа.

– Как? Крым был заселен очень давно! Здесь все города ровесники Рима! И это только та история, которую мы знаем! Скифы, греки, генуэзцы, турки, татары, армяне. А сколько тут было купцов! Продавали рабов, ткани, хлеб, вино! Огромные обороты! И каждый уважающий себя купец обязательно имел свой клад, зарытый в горшке в подвале его дома!

– Зачем зарытый? – не понял папа Гаврилов.

На худом лице Покровского вспыхнули пятна.

– А как еще? – поразился он. – Дома горят. Воры подкапывают стены. Банков еще нет. Как купцу сохранить свое золото? А почему в горшке? Да потому что горшки земли не боятся. Деревянный ларец – он сгниет за три года. Про железо я вообще не говорю. Ржавчину пока никто не отменял.

– А почему именно в подвале?

– А где еще? Самое удобное место дляклада – подвал, – важно объяснил Покровский. – Мы же говорим не о пиратских нычках на необитаемых островах. Уважающий себя купеческий клад должен быть спрятан так, чтобы им было удобно пользоваться. Взял горсть монет, положил горсть монет – вроде как в сейф. Опять же – пока ты копаешь у себя в подвале, никто тебя не увидит. А идти с деньгами в лес, так вся улица будет кричать: «Почтенный Юсуф, куда вы идете с кувшином монет и лопатой? Не помочь ли вам?»

Папа Гаврилов заинтересованно слушал, шевеля в ботинках замерзшими пальцами.

– И что? Купцы потом не вытаскивали своиклады? – спросил он с сомнением.

– Кто-то, конечно, вытаскивал, тратил или передавал по наследству. А кто-то был одинокий скряга. Или другой вариант. На город напали, купец погиб и не успел ничего никому сказать. Дом сгорел и завалился. Город зарос лесом и травой. А где-то там, под корнями, до сих пор лежит темная двухведерная амфора из-под пшеницы, полная золотых и серебряных монет, – сказал Покровский с такой убежденностью, будто находил такие амфоры десятками. Он даже пальцем по воздуху провел, точно ощупывая длинную трещину в этой самой амфоре.

– Ну а ты-то сам находил? – спросил папа Гаврилов.

– Нет пока! – горько произнес Покровский и с глубокой обидой уставился на свой миноискатель. – Он у меня слабенький, чтобы что-то серьезное искать. Приходится ограничиваться песком... Но и тут немало монет. За все годы кораблей наразбивало в шторма о-го-ого, бухта мелкая, и постепенно монеты вымывает из песка на берег. А уж осколков хлебных амфор – только разгребай. Море вообще исторгает из себя все лишнее, все не свое.

– Костя замерз! Пошли, а? – жалобно крикнула мама, у которой был уже совершенно сизый от холода нос.

Папа впрягся в коляску, и Гавриловы продолжили свое путешествие вдоль моря. Вика держала в руках подкову, разглядывая ее с нерешительной радостью. Они прошли по пляжу метров сто, когда услышали, что их кто-то догоняет. Это был Покровский, несущий в руке нечто извлеченное из сумки.

– погоди! Это тебе! – крикнул он Любе и положил ей что-то на ладонь. Это было небольшое серебряное солнце, потемневшее от воды.

– Вчера нашел. С цепочки у кого-то сорвалось! Его надо отчистить, и будет отлично!

«Мышиная девушка» посмотрела на солнце, лежащее у нее на ладони:

– Ну так отчисти!

Покровский стал тереть солнце тряпочкой, и тер его до тех пор, пока украшение не засияло.

– Готово? – спросила Люба. – Оно теперь мое? Могу делать все, что захочу?

Покровский кивнул.

– Отлично!

Люба погладила солнце пальцем, шагнула к воде и запустила его блинчиком. Серебряное солнце сверкнуло, дважды отпрыгнуло от воды и исчезло.

– Сам разрешил! Никто тебя за язык не тянул! Мое – значит мое! – сказала Люба.

– Почему? – жалобно спросил Покровский.

– А так просто! – пожала она плечами и пошла дальше, а Покровский с открытым ртом стоял и смотрел ей вслед.

Алена бежала впереди нее, с любопытством заглядывая ей в лицо.

– А это правда, что Покровский когда-то был в тебя влюблен, а потом еще в кого-то влюбился? – спросила она.

– Откуда ты знаешь?

– Мне Катя сказала!

– Глупости! – буркнула Люба, отворачиваясь. – Нечего сплетни передавать. Он с ней только танцевал целый вечер, но я никому предательства не прощаю!

– А я думала, только наш Петя мозгокрут! – сказала Алена с восторгом.

Глава вторая

Правильная бабушка

– У них мама критик. Это очень сложно быть критиком.

– Почему?

– Потому что нужно все время писать в Интернете, что ты с чем-то не согласен. Ты вот ночью спишь, а их мама пишет, хотя ей, между прочим, тоже спать хочется!

Саша

Гавриловы возвращаются домой. Вот уже и улица-«восьмерка». Чернеют впереди ворота. Бегут встречать их собаки Табуретка, Мальчик и Малыш. Мальчик, как обычно, хрипло лает – это одиночное, страшное, практически львиное взрыкивание – и бросается в атаку, но шагах в двадцати всегда узнает, останавливается и со смущенным видом отворачивает в кусты, где и укладывается на землю. Табуретка же и Мальчик долго не могут успокоиться. Все бегут рядом, вертятся, лают. Потом замолкает и Мальчик, и брешет одна только Табуретка. Склонно брешет, визгливо, точно старая торговка, поругавшаяся с покупателем. Уже и покупатель давно ушел, а она все не может успокоиться.

Правда, сегодня полаять Табуретке не удалось.

– Руки вверх! – сказала Катя, и визгливая Табуретка тотчас завалилась на спину, подставив ей свой грязный живот.

Открыв ворота, Гавриловы обнаружили, что на перилах висит полосатый половик, рядом стоит выбивалка, а все животные выкинуты на улицу и попрошайнически сидят перед дверью, ожидая момента, когда можно будет юркнуть обратно.

– Кто-то проник в наш дом! Какие-то жулики! – сказал Петя, созерцая штабель клеток, в которых прыгали крысы и зарывались в опилки хомяки.

– Надо их взорвать! – предложил Саша. – Положим им в карманы много соды, а потом нальем уксуса! Они побегут, а мы у них на дороге выкопаем яму!

– А если они побегут в другую сторону? – спросил Костя.

– Тогда мы выкопаем яму и в другой стороне! – сказал Саша, и этот аргумент показался Косте настолько веским, что он мгновенно бросился копать.

Папа с мамой переглянулись.

– Сегодня какое число? – спросил папа Гаврилов.

– Четверг, – сказала мама.

– Четверг – это не число. Сегодня восьмое декабря. Значит, мы не встретили твою маму!

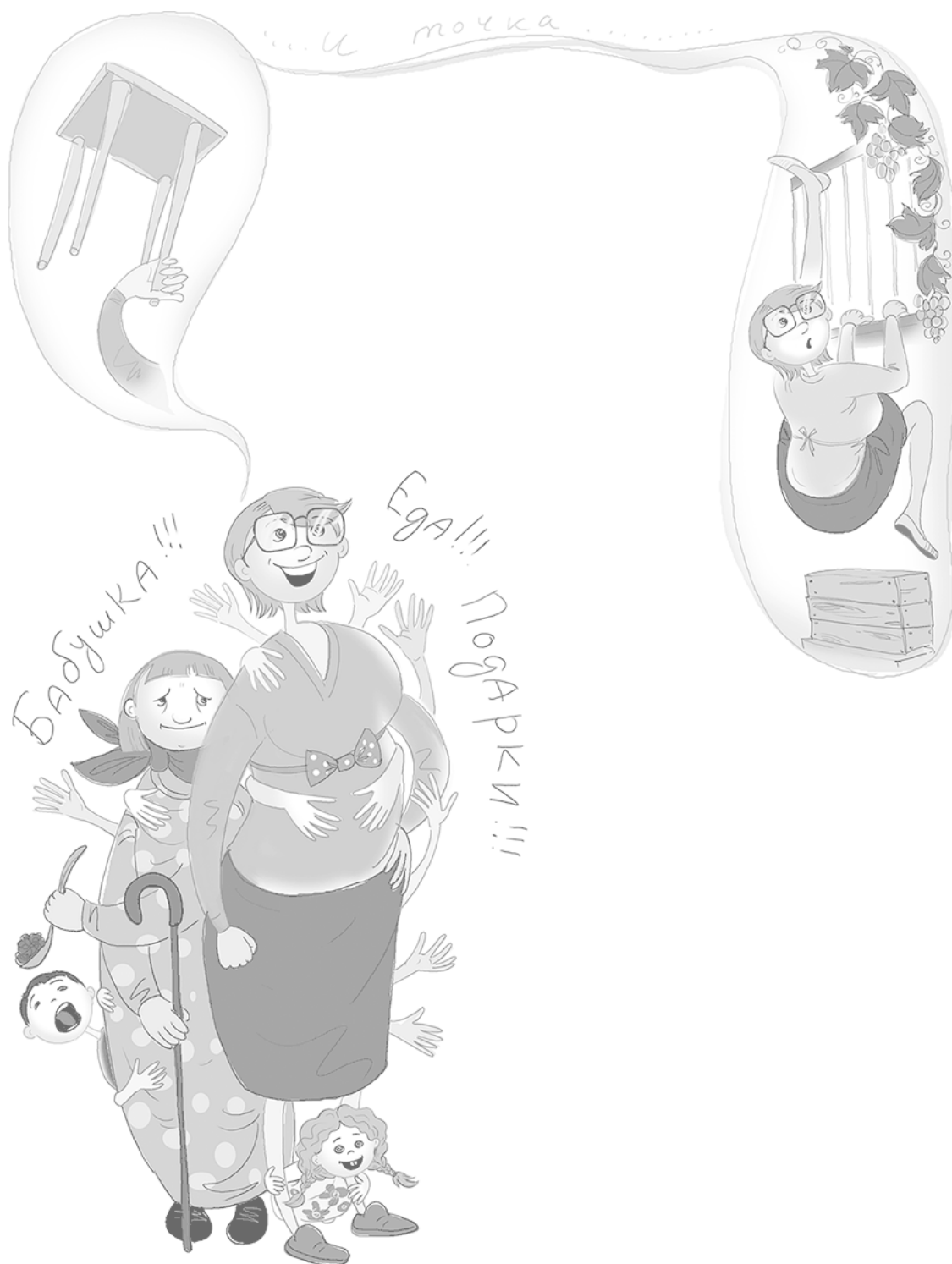
– Моя мама приезжает в пятницу!

– Нет. Мама приезжает восьмого. А восьмое – это сегодня!

Протиснувшись между клетками, папа открыл двери. В дом сразу юркнула кошка. За кошкой гнался главный крыс папа Шварц, умевший открывать клетку лапкой. За Шварцем же бежали уже все дети.

– Бабушка! – кричали дети. – Еда! Подарки!

Почему-то три этих понятия – «бабушка», «еда» и «подарки» – склеивались в их сознании в одно, так что возникало некое таинственное единое «бабушкаедаподарки». Из этого как-то очень закономерно следовал вывод, что если из жизни исчезнут бабушки, то вместе с ними исчезнут и еда, и подарки.

В кухне мама и папа обнаружили бабушку Машу и прабабушку Зину. Бабушка была высокая, решительная, в квадратных очках. А прабабушка, напротив, маленькая, кругленькая, с палкой. Бабушка никогда не оставляла прабабушку, и путешествовали они тоже всегда вместе.

Вика, Алена, Катя, Саша, Костя облепили бабушек со всех сторон. Рите уже не хватило ни одной бабушки, чтобы ее обнять, и тогда она просто пролезла на четвереньках между ногами и обняла бабушкину ступню и тапку. Один Петя не обнимался, а только стоял рядом и шевелил в воздухе руками. Он считал себя выше объятий, но не выше подарков.

– И как вы попали в дом? – спросил Петя, когда закончились все объятия, вскрикивания и поцелуи.

– Очень просто. Приехали на такси из аэропорта и залезли через балкон. В смысле я залезла и открыла двери! Не будем же мы два часа стоять у ворот, ожидая, пока нас встретят! – сказала бабушка Маша, бросая задиристый взгляд на папу.

– Через балкон?! – поразился папа. – Вы залезли через балкон? Это же высоко!

– И что тут такого? – сказала бабушка Маша. Потом немного подумала и добавила: – Разумеется, мне было непросто! Пришлось ставить один на другой четыре ящика и высоко задирать ногу... И соседи на нас как-то странно смотрели!

– А ящики откуда?

– Соседи же и дали. Я попросила. Откуда же еще? – удивилась бабушка.

Спустя пять минут она уже стояла у раковины и мыла посуду, оттирая ее губкой с такой силой, словно микробы могли забиться внутрь стенок.

– Ну и грязь же у вас, Гавриловы! Посуда вообще не должна лежать в мойке! Каждый час нахождения посуды в мойке увеличивает число болезнетворных организмов вдвое! – сказала она.

– Подумаешь! Был один микроб, а стало два! – сказал Петя.

– Ага. Было десять в двадцать третьей степени, а стало десять в сорок шестой! Никакой разницы! Все! Точка! – отчеканила бабушка. Считала она прекрасно. Недаром была когда-то главным экономистом.

Прабабушка Зина пожала плечами. С умиротворенным видом она сидела на стуле и баклажанной икрой кормила с ложечки Сашу, который послушно разевал рот и получал явное удовольствие от ситуации.

– Он же большой уже! – возмутилась Катя.

– Он скелет! – оспорила бабушка Маша. – Ребенок должен есть так, чтобы на тарелках не оставалось силы! Я всегда так ем, и вот какая я крепкая!

Она взяла за ножку тяжелую табуретку и подняла ее над головой. Табуретку начало опасно кренить на сторону, и Вика с Аленой торопливо отбежали. Бабушка поставила табуретку на место.

– А это правда, что, когда наша мама была маленькая, на ней ни одни штаны не застегивались, такая она была толстая? – спросила Алена. Она еще не понимала, что не все, что ты знаешь, надо выпаливать – что-то надо оставить и при себе.

– От кого ты это слышала? – подозрительно спросила бабушка, поворачиваясь так, чтобы увидеть отражение папы в стекле кухонного шкафчика.

– От мамы, – пришла на помощь Алене умная Катя.

Бабушка Маша расслабилась:

– А! Ну мы ели по расписанию. Творожок, кефирчик, сметанка. В подростковом возрасте она отбилась от рук и похудела! Потом начали появляться дети, и она похудела еще больше!

Я вообще хотела, чтобы детей у нее было только двое! Мальчик и девочка! С интервалом в четыре года. Все. Точка.

Вскоре весь кухонный стол был заставлен тарелками и мисками. И в каждой тарелке лежали какие-нибудь грибочки, колбаска, салатик. Непонятно, откуда они вообще брались. Возможно, возникали по волшебству, поскольку раньше, до приезда бабушек, в доме Гавриловых их явно не было.

Бабушка Маша решительно двигалась по кухне, отдавая короткие приказы:

– Алена, не трогай брата! Петя, не отвлекайся! Рита, ты уже взрослая, чтобы лезть в суп руками!.. Аня, не горбись! Коля, не объедай с бутербродов рыбу!.. Я все вижу!

Глаза у Кости и Саши округлились. «Аня» и «Коля» – это были мама и папа, которых бабушка как-то очень лихо включила в общий детский ряд. Папа и мама втихомолку переглядывались, переживая крушение своего авторитета, но, зная бабушку, не протестовали.

– Пожуй червячка! – сказал папа шепотом.

Мама толкнула его под столом ногой. Это был их общий секрет.

Когда-то, когда мама и папа только-только поженились и жили у бабушки Маши, то прятали от нее скворчонка, которого подобрали на улице. Прятать скворчонка было очень трудно, потому что он к тому же еще и пищал. Одно время папа скрывал его в старом чайнике, подвешенном на веревке на балконе среди старых лыж. Птенец был совсем слабенький. Целых червяков он есть не мог, и требовалось измельчать их, превращая в кашу. Именно с того времени в семье сохранилась шуточка «Пожуй червячка!». Бабушка догадывалась, что в доме птенец, и повсюду искала его, чтобы выбросить, потому что когда-то в молодости она прочитала в журнале «Здоровье», что от птиц бывает туберкулез.

Ровно в девять вечера у бабушки запищал будильник, и с этим писком для детей началась новая жизнь.

– Все! – сказала бабушка Маша. – Подготовка ко сну! Сон!.. Все! Точка!

– Мы уже спали днем! Ты нас заставляла! – в ужасе простонал Саша.

– Днем это был не сон, а адмиральский час! – возразила бабушка.

– А сейчас какой час? Фельдмаршальский? – съехидничал Петя.

– А сейчас ночной отдых! – отрезала бабушка и пошла наверх. И за ней послушно, как овечки, поплелись Костя, Рита и Саша.

– Надо же! Слушаются! – прошептала Алена.

– А ты не послушайся! В ней есть внутренняя сила и готовность идти до конца! – оценил Петя.

– Между прочим, к старшим детям это тоже относится! У них отбой в двадцать один тридцать – донеслось с лестницы.

Ровно в 21.30, после окончания того, что бабушка называла «умывальными процедурами», старшие дети были загнаны в постель. Один только Петя уцелел. Он забился к себе в комнату и сидел там тихо, как мышь, заложив щель под дверью одеялом, чтобы не пробивался свет.

Часов в двенадцать, считая, что все спят, Петя выбрался из своей комнаты и прокрался на кухню пить сырые яйца. Он стоял в островке света, льющегося из открытого холодильника, и держал в руках яйцо. Надколот его и поднес ко рту, но тут в темноте рядом с ним кто-то зашевелился. Петя испуганно дернулся. На лавочке сидело привидение в длинной ночной рубашке и тихо покачивалось.

Это была прабабушка Зина. На второй этаж она подняться не смогла и поселилась на диване в кабинете у папы. Только вот ей не спалось, и она сидела в темноте: берегла электричество.

– Один парень пришел из армии. Яйцо на базаре купил, не помыл и съел. А на яйце был сальмонеллез. Умер. Всё, – сказала прабабушка.

Уронив яйцо себе на ногу, Петя шарахнулся в комнату.

Глава третья

Охмурение прабабушки

– Нужно иметь двадцать пар носков одного цвета! И десять пар трусов одного цвета!

– Ну носков – понятно. Это чтобы в стирке не перепутались. А трусов зачем?

Бабушка задумалась.

– Не знаю зачем! Но раз советуют, значит, должна быть логика!

Бытовая сценка

На другое утро была суббота. Костя и Рита сидели на коленях у бабушки Маши и болтали ногами. Катя стояла у мойки и разглядывала оставшуюся с вечера гору посуды.

– У меня предложение! – сказала она. – Папе сорок один год. Он будет мыть сорок одну тарелку. Пете – шестнадцать. Он моет шестнадцать тарелок. Вике – четырнадцать. Она моет четырнадцать. Алене десять – ну вы поняли...

– А ты? – крикнула из комнаты мама, стрекотавшая швейной машинкой.

Ей этот план понравился. Она уже просчитала, что, хотя тарелок у них и много, но явно не больше, чем сорок одна. Значит, вся посуда будет вымыта папой.

– А я буду осуществлять общую координацию и проверять, нет ли на тарелках жира! – сказала Катя и, взмахнув руками, задела что-то, стоявшее на краю мойки.

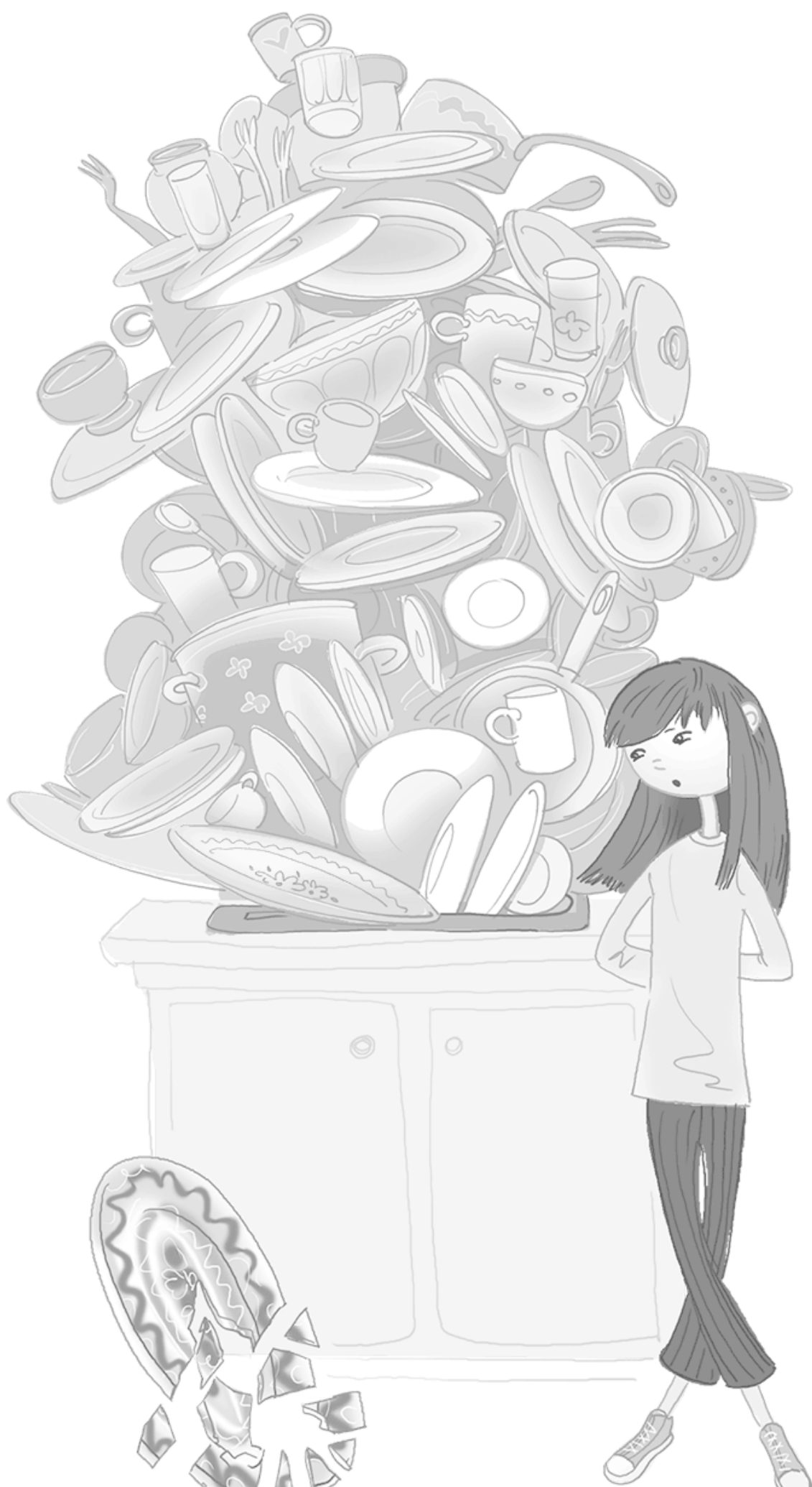
Ой! Дзин-н!

– Что это был за звук? – встрепелась мама.

– Синюю тарелку разбили, – пояснила Катя.

– Мою любимую?

– Ну да.

В комнате мучительно задумались.

– Хотя бы чистую или грязную?

– Грязную.

– Ну это еще ничего! – сказала мама.

Удрученные потерей любимой тарелки, девочки сгруппировались вокруг раковины и в десять минут перемыли всю посуду. Тем временем мама и бабушка Маша составляли папе список продуктов, которые он должен купить на рынке. Список этот вышел настолько длинным, что его хвостик перевалил на вторую сторону листа. Папу это не слишком воодушевило.

– Напишите мне последним пунктом «потерять список». Тогда я начну сразу с конца, – сказал он и отправился заводить автобус. Заводился автобус неплохо, но батарея у него была неважная. Поэтому нужно было, чтобы он непременно завелся с первого раза.

Пока папа ездил, бабушка Маша и прабабушка Зина наколдовали завтрак. Бабушка Маша жаловалась, что готовить не из чего, но все равно очень скоро весь стол был уставлен тарелками. Дети в нетерпении бегали вокруг, пытаясь чего-нибудь стянуть.

– Рита, ты мыла руки? Ну хоть когда-нибудь в жизни? – спросила бабушка, приглядевшись к синей от фломастеров ручке Риты, вцепившейся в кусок халвы.

Детские ручонки быстро спрятались за спину. Это не осталось незамеченным.

– С мылом, мочалкой и туалетным ершиком! А ну марш!

Рита, жалобно ноя, отправилась мыть руки, закрыла за собой дверь ванной, и почти сразу все услышали грохот и плеск. Бабушка вскочила:

– Что это было?

– А, ничего особенного!.. Думаю, она полезла на стул, чтобы снять с подоконника мыло, и плюхнулась в ванну. Там же одеяла замачиваются, да? – мгновенно угадала Катя, а еще через секунду из ванной появилась ревущая Рита, с которой ручьями стекала вода, и все убедились, что Катя, как всегда, была права.

– Никогда бо-о-се не буду мыть лу-у-у-у-ки! – выла Рита, пока ее раздевали и сушили.

– А почему мыло на подоконнике? – задумчиво спросила прабабушка.

– Потому что Саша его пытался поджигать, – объяснила Катя.

— А оно горит?

– Нет! Но оно воняет! – жизнерадостно объяснил Саша. – Только надо поджигать его вместе с теннисным шариком! Давай покажу!

Саша рванулся показывать, но его силой усадили на место и ограничили его исследовательский порыв куском сыра.

Тем временем Риту переодели в сухое, заплели ей косички, и она сделалась похожей на приличного человека в представлении бабушек.

– Горячая каша! Кому? И никакой больше еды у компьютера! – сказала бабушка, ставя на стол кастрюлю.

– А почему завтрак называется «завтрак»? Потому что его едят завтра? – спросила Алена, выкапывая в каше котлован, чтобы туда стекало масло.

Уже вернувшийся к тому времени папа задумался.

– Хороший вопрос! Ну, может, «завтрак» – это то, что люди оставляли на завтра? Допустим, часть еды запасалась с вечера? – предположил он.

– Оставлять на утро ничего нельзя! В еде размножаются микробы! Всё! Точка! – отрезала бабушка Маша.

– Это понятно, – согласился папа. – Но древние люди могли об этом не знать. И опять же – у них были ледники, а это прекрасный естественный холодильник.

После завтрака Саша случайно отыскал под лавкой абрикосовую косточку, хотел разбить ее молотком и съесть семечко. Чтобы бабушка Маша не остановила его, он убежал с молотком и косточкой в дальнюю комнату. Установил косточку на твердое, замахнулся молотком и... услышал голос:

– Один парень пришел из армии! Стал колоть косточки от абрикосов – и умер. У него засорился кишечник. Всё.

Саша вскинул голову и увидел прилегшую отдохнуть прабабушку Зину, которая, прижавшись к локтям, наблюдала за ним с дивана. Отвоевывая свое право засорять кишечник, Саша перебежал на кухню и попал как раз в момент сборов. Бабушка одевала Риту и глазами внимательно следила за обувающимся Костей.

– Дети идут гулять! Они должны дышать! Точка! – строго сказала бабушка.

Причем под «детьми» подразумевались абсолютно все, даже Петя, у которого уже проклюнулись усы. Усатый Петя и прочие неусатые карапузы не посмели протестовать и пошли на прогулку. Только папа и мама увильнули, оставшись дома, остальные увильнуть не смогли. Это была очень правильная прогулка под руководством правильной бабушки. До детской площадки все шли за руки, пугаясь всякой появляющейся вдали машины.

– Машина! – кричала бабушка Маша голосом, которым кричат обычно: «Воздушная тревога!» – и все дети бросались на газоны, пока бабушка и прабабушка закрывали их грудью. Водитель машины тоже обычно пугался, останавливался, и возникала непонятная ситуация: бабушка подозревала водителя в том, что он вот-вот поедет, а водитель махал из машины руками и нажимал на гудок, умоляя бабушку все-таки перейти дорогу, потому что не может же он стоять полчаса подряд!

В сторону магазинов дети только тоскливо косились, не позволяя себе ныть «Купи-и-и-и!», которое обычно затевали Рита с Костей. Сегодня же не ныл никто, потому что знали, что бабушка на улице ничего не покупает. Есть надо дома. За столом. Помыв руки. Всё. Точка.

Прабабушка Зина, которую бабушка тоже взяла с собой дышать воздухом, шла очень медленно. Через каждые несколько метров останавливалась, опираясь на забор или дерево.

– Я только одну минуточку отдохну! – говорила она. – А раньше я как бегала! О как! – И она улыбалась, точно сама не верила, что рассказывает правду.

Наконец все добрались до детской площадки.

– Набираемся заряда здоровья! – отдала приказ бабушка и вдруг, вспомнив о чем-то, строго уставилась на прабабушку: – Мама, а ты лекарства утром приняла?

– Да! – поспешно сказала прабабушка.

– Неправда! Почему раковина была розовая? Это ты таблетку в нее выбросила?

Прабабушка вздохнула:

– Она такая горькая! Можно я ее хотя бы шоколадом заедать буду?

– Какой шоколад! Тебе сахар нельзя! Только обезжиренный йогурт! – отрезала бабушка Маша.

Катя и Вика переглянулись. Они поняли, что бабушка и прабабушка давно поменялись ролями. Бабушка стала мамой своей маме, а та ее дочерью.

– А ну дышим! Не отвлекаемся! Нечего нас слушать! – приказала бабушка.

И все дети стали гулять и дышать. Правда, за вычетом Пети, который дорогой все же куда-то слинял. Саша ныл, не имея возможности никуда влезть и ниоткуда свалиться, но Костя и Рита гуляли с удовольствием. Разве что жалели, что, пока один качается на качелях, другой должен стоять от качелей в десяти шагах, соблюдая технику безопасности. Для нарушителей был даже подыскан подходящий пример.

– Один десантник вернулся из армии. Взял кой-чего, пошел на детскую площадку. А его качелями хлоп по затылку – и уложило на месте! – сказала прабабушка, и все дети пугливо затихли, представляя себе этого бедного десантника и размышляя, зачем же он встал под качели.

Прабабушка Зина сидела на крашеной шине, вкопанной в землю, и держала на коленях Риту. Рите очень нравилась прабабушка. Она уже раз десять сказала ей: «Я тебя люблю!» – а вот бабушке пока ни разу не сказала, и бабушка втихомолку ревновала.

В полдень будильник у бабушки Маши пикнул. Один раз, очень четко так пикнул, не нарушая установленных традиций.

– А теперь обед и адмиральский час! – строго сказала бабушка, и дети пошли домой.

После обеда бабушка упрямо уложила всех детей, кроме трех старших, в кровати.

– Закрываем глаза! Один час сна днем – это пять часов сна ночью! – сказала она.

– Значит, ночью нам можно не спать? – спросила Алена, страдавшая оттого, что она, десятилетняя, причислена к малышне и заточена в кровать.

– Ночью тоже надо спать! Всё! Отдыхаем! – сказала бабушка и отправилась в маленькую комнату укладывать Риту.

Было слышно, как Рита буянит, прыгает в кровати и повторяет, что не будет спать. Потом все вдруг стихло. Прошло десять минут, затем пятнадцать. Из комнатки не доносилось ни единого звука. Удивленная тем, что бабушка не выходит, Алена прокралась к двери и приоткрыла ее, оставив щелочку. Когда она повернулась, у нее были круглые глаза.

– Спит! – прошептала она.

– Кто? Рита?

– Бабушка! Объявила адмиральский час и сама же и уснула! Ха-ха-ха!

– А Рита?

– И Рита тоже спит! Побежали!

Саша и Костя тоже повыскакивали из кроватей, и все дети помчались вниз. Внизу они увидели прабабушку Зину, которая читала через лупу старый журнал, временами принимаясь дремать. Прабабушка читала очень много, причем без разбора, все, что попадалось ей в руки. Она могла внимательно читать рекламную газету, в которую были завернуты покупки с рынка, через пять минут – «Подготовку к ЕГЭ по истории», забытую Петей на лавке, а потом вдруг в руках у нее оказывались Ремарк или Чехов. Довольно скоро и они куда-то девались, зато обнаруживалась газета, и прабабушка опять читала ее.

Когда дети появились внизу, прабабушка подняла голову и с тревогой на них посмотрела. В первую секунду она подумала, что, может быть, это спустилась бабушка Маша. Поняв, что это не бабушка, прабабушка с облегчением улыбнулась и перестала прятать пастилу, которую она, ломая кусочками, засовывала в рот.

Алена, Рита и Костя окружили прабабушку и стали с ней разговаривать. Очень скоро к ним присоединились Петя, Вика и Катя.

– Прабабушка, а прабабушка! А давай мороженого купим, пока бабушка спит! – предложила Алена.

– А она правда спит? – не поверила прабабушка.

– Еще бы! Мы сами видели!

Прабабушка Зина задумалась. Мороженое она любила. Но все же сомневалась.

– Один парень пришел из армии. Съел много мороженого... – скрипуче начала она.

– ...заболел ангиной и умер? – угадал Петя.

– Откуда ты знаешь? Я уже это рассказывала? – удивилась прабабушка.

– Нет, – сказал Петя. – Мы в школе проходили. Это известный науке случай.

Катя толкнула Петю ногой:

– Перестань! Ну что, идем за мороженым? А, ба?

Прабабушка отложила лупу и оперлась руками о стол.

– А давайте! – сказала она, пожевав губами. – Дайте мне палку и мою сумочку!

Сумочка у прабабушки Зины была старенькая, из кожзаменителя, с толстой пластмассовой ручкой и железным замком, который щелкал, как пистолет с пистонами.

– Может, ты нам денег дашь, и мы сбегает? – предложил Петя, опасавшийся, что пока они будут ходить, бабушка Маша успеет проснуться.

– Нет уж! Я сама хочу! Я еще много чего посмотрю. Там же какой магазин? Кондитерский?

Прабабушка оделась довольно быстро. Так же быстро оделись и все дети, потому что понимали: дело секретное и важное. Потом все вышли на улицу и, подхватив прабабушку под локти, стали буксировать ее к кондитерскому магазину.

– Ой, не так быстро! Ой, не так быстро! Дайте минутку постоять! – причитала прабабушка.

Старшие дети терпеливо стояли, давая ей отдохнуть, но младшие стоять не могли и прыгали вокруг.

– А у тебя деньги есть? Ты не забыла? – вдруг с беспокойством спросил Костя.

Прабабушка озабоченно заглянула в сумочку.

– Немножко есть, – ответила она. – Ох, как хорошо, что вы меня повели! Я в магазине не была уже лет пять!

– А бабушка тебе сладкое не покупает?

– Редко. Соседки приносят понемножку. А она говорит, мне нельзя, у меня сахар.

– То есть тебе нельзя чужой сахар, потому что у тебя свой? Вот везуха! – воскликнул Саша.

– Мне уже все можно, – поджав губы, философски возразила прабабушка. – Хотя, может, и нельзя. Но немножко, наверное, можно.

Наконец они добрались до булочной, где имелся большой кондитерский отдел. Прабабушка поднялась на три ступеньки и прислонилась к стене.

– Уф! Точно на десятый этаж втащились! – пожаловалась она и, отдышавшись, начала с интересом оглядывать полки. – Ох! Сколько всего нового появилось! Вот этих вот кругленьких конфет с мармеладом в серединке пять лет назад я не видела! И эти длинненькие новые какие-то! А лимонные дольки были! И драже было! А вот эти шоколадки выпускались в других бумажках!

– Ваша бабушка с необитаемого острова? – шепотом спросила у Пети продавщица.

– Нет, из Москвы, – сказал Саша.

– А-а! – пораженно протянула продавщица.

А прабабушка уже стояла у полок и радостно перебирала кулечки с печеньем и всякими сладостями.

– А можно такое, чтобы оно было шоколадное? И с джемом? И песочное? Но не очень сладкое? – озабоченно спросила она.

– Такого нет, – сказала продавщица.

– Ну тогда дайте нам всего по триста граммов! Вообще всего, что у вас есть! – сказала прабабушка.

– И шоколадок! – шепотом подсказал Петя.

– И шоколадок! – повторила прабабушка.

А Костя опять спросил, хватит ли у нее денег.

– Хватит, – отважно сказала прабабушка. – А если сколько-то не хватит, мы лишнее отложим. Набирайте!

Рядом с прабабушкой стояли Алена, Саша и Костя и кричали, показывая каждый на свое. Каждый тянул ее за руку в свою сторону.

Неожиданно в сумке у прабабушки зазвонил телефон. Она нашарила его и слепо ткнула в большую кнопку.

– Аллю, Маша! Да, дети со мной!.. Как что делаем? Гуляем! Я тебе скоро перезвоню! – сказала прабабушка в трубку и, умоляюще взглянув на внуков, сунула телефон в сумку. – Я не соврала. Просто кое о чем умолчала! – сказала она виновато.

– Кто это был? – спросил Костя.

– Ее мама, которая наша бабушка! – шепнула Катя.

Они накупили столько сладостей и мороженого, что у них вышло два больших пакета. Дети и прабабушка спорили, куда все спрячут, чтобы это не попало бабушке Маше на глаза.

Вскоре они были уже у дома. Пока Вика звонила в звонок, Петя скрывался за машиной с двумя пакетами, чтобы незаметно пронести все сладости. Им открыли, и они вошли. На столе лежало полотенце. На полотенце остывала большущая шарлотка с яблоками.

Бабушка Маша стояла у стола и смотрела на них с легким прищуром.

– Вернулись, интриганы? Ну-ну! Садитесь пить чай! – пригласила она.

Вика посмотрела на пышущую жаром шарлотку, и ей стало неловко.

– Ой! А мы договаривались, как бы тебя перехитрить! – простодушно сказала она.

Бабушка Маша махнула рукой.

– Ладно уж!.. Все моют руки! Знаете, сколько микробов на квадратном сантиметре кожи? – сказала она строго, но все уже неслись ее обнимать, потому что почувствовали вдруг, что она добрая.

– Хорошо, когда у тебя есть бабушка! – сказала Вика вечером, когда дети уже легли спать, а бабушка спустилась вниз, чтобы измерить прабабушке Зине давление.

– Ага, неплохо. Только надолго ее не хватит! – знающим голосом сказал Петя. Стена в его комнате была тонкая, из гипсокартона, и можно было легко переговариваться прямо через нее.

– Почему?

– Ну я уже давно это заметил. Правильности бабушки Маши хватает на три недели в году. Потом она выбивается из сил и целый год копит энергию на эти три недели. Ну как гоночная машина. Чем мощнее двигатель, тем выше расход топлива, – объяснил Петя.

Катя хмыкнула.

– А родители неправильные, и именно поэтому их хватает на целый год? – уточнила она.

– Ну почти... А все-таки правильную бабушку иметь здорово!

Глава четвертая

Пять кошек

Весь человек до капли проявляется в своей реакции на слово «нельзя».

Мама

В понедельник утром дети собирались в школу. Катя стояла у дверей уже с рюкзаком за плечами и, скрестив на груди руки, ожидала своих братьев и сестер. Тут же бродили Костя и Рита, которые, хотя и не ходили еще в школу, толклись вместе со всеми. Костя с большим подозрением разглядывал трусы, которые на него только что надели. Потом стал медленно кривиться. Последнее время он стал очень мнителен.

– Это девча-ачье! Не буду носи-и-ить! – заныл он.

– Спокойно, воин! На трусах не девочка! На трусах переодетый герой! – быстро сказала Катя.

Костя задумался и позволил надеть на себя шорты, скрыв под ними переодетого героя. Первоклассник Саша кружил по кухне и, приставая ко всем, просил найти его тетради.

– Тетради для лентяя Саши! Вы где? Ау! – не размыкая скрещенных на груди рук, позвала Катя. Саша опасливо покосился на нее и замолчал.

Алена прыгала по коридору и, торопливо забрасывая в рюкзак учебники, стонала:

– Ой! У нас сегодня труд! Дайте мне сто рублей на пластилин!

– Тебе вчера давали! – сказала Катя.

– Ой! Я те потратила! Вначале сорок на шоколадку, а потом уже мало осталось и я решила потратить...

Из ванной высунулась голова Пети, который, оказывается, все прекрасно слышал.

– Дайте мне полтора миллиона на пластилин! И еще три на ластик! А то на новый айфон не хватает! – сказал он пискляво.

В Петю бросили полотенцем, и голова спряталась. В ванной что-то страшно захохотало, уронило стул, включило воду. Петя обычно уходил в школу за минуту до звонка и брал с собой максимум одну тетрадь, которую засовывал под ремень.

Утро было пасмурное. Костя, путая слова, называл такое утро «паспортное». В небе явно готовилось что-то грандиозное, но что именно, было еще непонятно. Тучки ходили мелкими табунами, постепенно собираясь в одну очень крупную тучу.

– Я тоже хочу мотать кишки, как все прочие! – ворчала Катя, размахивая мешком со сменкой. – Дайте мне майку! Не та майка!.. Налейте мне чай! Не такой чай!

– Тогда ты не сможешь на всех ворчать и быть всегда правой! – сказала Вика.

Катя задумалась.

– Кстати, да! – признала она. – Ладно, тогда я согласна остаться такой, какая есть.

Из школы Катя вернулась сразу после Саши и Алёны, часов около двух. Она стояла у окна. За окном крупными хлопьями падал снег и оседал на вечнозеленом кустарнике и на такой же зеленой траве. Перед кустарником сидели Табуретка, Мальчик и Малыш и, задржав головы, с недоумением смотрели на садившиеся им на носы снежинки. Табуретка испуганно подвывала. Малыш рычал. Мальчик демонстрировал философское спокойствие.

- Что в школе творится! – сказала Катя. – С уроков все посбегали!
- А учителя?
- Учителя тоже посбегали. Все стоят в школьном дворе и кидаются! Дикие совсем, будто снега никогда не видели!.. А за забором там, между прочим, горэнерго!
- Что, стекла им снежками перебили? – удивилась мама, вырезавшая для украшения дома трехмерные снежинки.

Она вырезала уже снежинок двадцать, и каждая была своей формы. До поры до времени это все резалось как обычная бумага, а потом раз! – мгновенное движение пальцев, и снежинка раскрывалась в воздухе, становясь объемной.

– Нет, – неохотно признала Катя. – Но эти «горэнерги» тоже работу побросали и снеговика слепили с лампочкой вместо носа... Здоровенную лампочку где-то нашли, как футбольный мяч! А ведь к вечеру все равно все растает!

И, постояв еще немного у окна, Катя направилась к шкафу раскладывать чистое белье после стирки. Не так давно она обнаружила, что детские вещи в стирке перепутываются и когда нужно, ничего не найдешь. Поэтому гораздо проще не разбирать вещи по владельцам, а

маркером подписать шкафчики, а там уже каждый легко найдет свое. И теперь на шкафчиках было крупно написано «ШТАНЫ», «НОСКИ», «МАЙКИ», «КОЛГОТКИ», «ЮБКИ».

Данный принцип сортировки с каждым днем обнаруживал все больше плюсов, но поначалу у этой идеи было много противников, особенно сильно возмущался Саша.

– Я что, буду девчоночьи колготки носить?

– У тебя же глаза есть, где твои, а где девчоночьи, – возражала Катя.

– Я что, должен буду думать?

– Ничего! Подумаешь! Голова не отвалится! Ну-ка, покажи, какие сейчас на тебе колготки?

Но Саша колготки не показал и торопливо убежал, потому что колготки на нем были Аленины по той причине, что ему лень было в куче белья искать свои.

Катя торопливо раскидала высушенное белье по «штанам», «майкам», «юбкам» и, отмахнувшись майкой от мешавшего ей Кости, вернулась к маме.

Внезапно домофон начал пиликать. Один раз, потом второй, третий.

– Кто там явился такой бешеный? – недовольно спросила Катя.

Оказалось, что это пришла Вика, запыхавшаяся и красная.

– Там к школе котят подбросили! Пять штук! В коробке! – сообщила она.

Папа Гаврилов оторвался от компьютера, где пытался распутать запутавшийся сюжет.

– А что, нормально! – оценил он. – Школа – место самое подходящее. У детей заканчиваются уроки, за ними приходят бабушки. Если очень постараться, бабушку можно уговорить взять котеночка.

Вика таинственно молчала, отводя глаза. Папа посмотрел на нее.

– Только не говори, что... – медленно начал он.

Катя, сорвавшись с места, в тапках выбежала за ворота и вернулась с коробкой.

– Вот они! Все пять здесь! – закричала она.

– Отнеси обратно! – потребовал папа.

– Нет-нет! Они замерзнут! – замотали головами Вика и Катя.

– Не замерзнут. Им около месяца!

– А если бы тебе было около месяца и тебя выкинули в коробке на снег? – спросила Катя с таким укором, что папа Гаврилов понял: от котят не отвертеться.

– Ну хорошо! – уступил он. – Тогда накормите их, потом идите, ходите по улице и жалобно повторяйте: «Возьми-и-ите котеночка!»

– Я в Интернете объявление дам! – предложила Катя.

Папа замотал головой:

– Ни за что! Через Интернет котята не пристраиваются. Это пройденный этап. Там будут только делать перепосты, охать и ахать. Но никто никого не возьмет.

– А как они пристраиваются? – спросила Катя.

– Котята пристраиваются исключительно методом случайного тыка! – заявил папа. – Человек видит котенка и хватает его прежде, чем у него включается логическое мышление. Вот и все. Других путей нет.

– Я унижаться не буду! – заявила Катя.

– А я боюсь кого-нибудь из знакомых встретить! – добавила Вика.

– Ну значит, любви к котятам у вас тоже нет. И желания им помогать нет. Отнесите их в коробке к школе и поставьте где взяли, – пожал плечами папа.

– А если жалостливые фотографии сделать и «Вконтакте», а? – спросила Вика обреченно.

– Угу! Держишь котенка за шкурку над кастрюлей с кипящим супом и подпись: «У вас двадцать четыре часа, чтобы спасти этого гада!» – посоветовал Петя, спустившийся по лестнице из своей комнаты.

Под мышкой у Пети были «Братья Карамазовы». Он читал эту книгу по сто страниц в день, при этом заканчивал, прочитав ровно сто, даже если до конца главы оставалось, допустим, десять строчек. По пути Пете попался холодильник. Он заглянул в него и громко фыркнул.

– Душа по кастрюлям бродит? – спросила Вика.

– Чего тут бродить? Еды нет! Бабули у моря гуляют! – сказал Петя.

– Еды полно! – оспорила Катя. – Просто тебе не угодить!

– Очень смешно! – Петя наискось отрезал треть батона хлеба, намазал его кетчупом, поверх кетчупа щедро посыпал приправу для курицы, посмотрел на состав и облизнулся.

– E260! E283! Натамицин! Диэтил бикарбонат!.. Обожаю! Кто-нибудь еще хочет бикарбоната? Ну, я предлагал! – и он откусил огромный кусок.

– Как ты ешь эту дрянь? Мне будет плохо! – закатывая глаза, взмолилась Вика.

– Правда? Спорим на штуку, что не будет? – предложил Петя и опять уткнулся в состав приправы. – Ах, как грустно! E240 нету! Без него и еда не еда!

– А E240 – это что? – спросила Вика.

– Ку-ку, темень! E240 – формальдегид! – объяснил Петя и, жуя бутерброд, ушел к себе в комнату. Слышно было, как поочередно щелкнули три шпингалета.

С противоположной стороны забора загрохотал железный лист. Перелезли Андрей и Серафим. Серафим с усилием грыз найденное в морозилке мороженое. Мороженое было таким твердым, что им можно было стучать по камню и камень отзывался стуком.

– Посмотрите на этого вот! – сказал Андрей с укором. – А в школу не пошел, потому что горло у него болит!

– А оно у меня и правда болит! Спроси у мамы! – сказал Серафим, и оба брата недовольно посмотрели друг на друга.

– О, пристраивальщики котят пришли! – радостно сказал папа Гаврилов, особенно надеясь на Серафима, который в своей великолепной поэтической рассеянности смог бы пристроить даже десять беременных кошек, измазанных зеленкой и облепленных пластилином.

Вместе с Аленой и Катей Серафим и Андрей переупаковали котят из коробки в старую шапку, пошли по центральной улице и стали жалобно повторять:

– Возьми-и-те котеночка! Возьми-и-и-те котеночка!

Котята вылезали из шапки, карабкались по рукавам и не переставая мяукали. Пришлось каждому из детей взять по котенку. Серафим нес сразу двоих, причем котята ухитрялись цепляться за прохожих. У Серафима ныть: «Возьми-и-те бе-е-еденького котеночка!» получалось жалостнее всего. Поэтому к нему люди чаще всего подходили.

За Серафимом тащился Саша, но без котенка, потому что котенка он то и дело терял и остальным это надоело. Снег уже начинал таять. Ощущалось, что до вечера он не долежит. Саша сгребал его с забора, лепил снежки и подбрасывал их высоко над головой, чтобы посмотреть, на кого упадет. Третий снежок шлепнулся на такси. Водитель притворился, что погнался за Сашей, и тот поспешно спрятался за Андрея.

– Ты ведешь себя хаотично! Не знаешь, что твои руки сделают в следующую минуту! – сказал Андрей.

— А вот и нет! Знаю!

– Да? И что они делают вот прямо сейчас?.. Нет, так скажи! Глазами не смотри!

Не послушавшись, Саша недоверчиво уставился на свои руки и с удивлением обнаружил, что они подобрали с асфальта ржавый болт и пытаются скрутить с него гайку.

– Возьми-и-ите котеночка! – крикнула Алена и расхохоталась, потому что с дерева ей в рот свалился снег. Саша, заметив, что с деревьев сыплется снег, стал убегать вперед и колотить палкой по веткам.

Несмотря на все старания, устраивались котята плохо. Большинство прохожих котятами либо совсем не интересовались, либо говорили что-нибудь вроде: «Летом надо было предлагать!» Но все же раз в пять минут откуда-нибудь выскакивала сердобольная тетенька, прижимала котенка к груди и начинала ахать:

– Детки! Ах! Котят устраивают! Прелесть какая! Это мальчик! Была бы девочка, я бы взяла!

– А у нас и девочка есть! – заявляла Катя и подзывала к себе Алену со следующим котенком.

Сердобольная тетенька несколько напрягалась и брала котенка уже не с таким воодушевлением:

– Ой! Если бы девочка была светленькая, а то тут у нее темная полосочка! – говорила она торопливо.

– У нас и светленькая есть! Серафим, тащи своего! – занудным голосом произносил Андрей, любивший доводить всякую ситуацию до логического финала.

Сердобольная тетюшка ощущала себя загнанной в угол.

– А вдруг они больные? – говорила она, спешно отыскивая аргумент для отказа.

– А вы ветеринару покажите! – подсказывал Андрей.

– Нет-нет! Они слишком маленькие! Они погибнут! Были бы постарше, тогда да! – говорила тетенька и трусливо сбегала.

Дети бродили вдоль моря часа два и начали уже терять веру в свою счастливую звезду. Но тут им постепенно стало везти. Первого котенка взяла бабулька, продающая ракушки. Причем взяла как-то совсем мгновенно, когда они уже прошли мимо и даже «возьмите котеночка!» не были.

– Ишь ты! Орет! Пацан? Ну давай сюда пацана! – сказала она и, заглянув котенку под хвост, сунула его в сумку, а Серафиму выдала покрытую лаком ракушку.

– Пепельницу сделаешь! – сказала она.

Серафим растерянно стоял с ракушкой в руке.

– Но я же не курю... – начал он.

– Курит-курит! – поспешно сказала Катя, утаскивая его за рукав. – Думать же надо! Если ракушка не нужна – мне отдашь!

Второго котенка взяла хмурая продавщица из магазина, о которой Катя в первую секунду подумала, что та подходит, чтобы их выгнать. Третьего котенка взял курсант милиции, чтобы подарить его своей девушке. Курсант сказал, что ему все равно, мальчик или девочка, потому что сам он кошек терпеть не может.

– Так это жертва во имя любви? Как мило! – сказала Катя.

Курсант посмотрел на нее довольно кисло.

– Вы только мне бантик на нем завяжите! – потребовал он.

– А ленту где взять? А, хотя вот! – Катя мгновенно вытащила у Алены резинку с бабочкой, и котенок украсился разноцветными крылышками. Это было ничуть не хуже ленты.

Четвертого и пятого котят хотели взять дети на площадке, но Катя не дала им их, пока те не позвонили родителям. В результате одному разрешили, а другому нет. Причем у того, которому разрешили, уже имелись дома две кошки, а у другого, которому не разрешили, не было даже таракана в банке. Так что пятого котенка отдали у моря трем каким-то развеселым дядькам, возвращавшимся из кафе после дня рождения. Дядьки сказали, что они из Краснодара и что у них там кошек «ну ваще нету». Эти дядьки из Краснодара вызвали у Кати большие подозрения, и она десять раз заставила их поклясться, что они котенка не выбросят.

– А то сейчас кому-то весело, а завтра утром будет очень даже невесело! И кошку куда-нибудь зашвырнете! – сказала она с укором, на что дядьки обиженно ответили, что они не звери, что они вообще-то художники и кошку куда не зашвырнут.

Художники взяли котенка на площадке у большого фонтана. Фонтан не работал с конца сентября, но все еще стоял с незамерзшей водой на дне. Летом в фонтане плавала большая болотная черепаха, для которой соорудили специальный помост, чтобы она могла вылезать и греться на солнце. И вот сейчас Саша, неизвестно для чего влезший в фонтан, обнаружил, что черепаху из него так никто и не достал, чтобы убрать ее в тепло, и она забилась между верхним слоем досок помоста и его основанием. Потому, наверное, ее и забыли, что никому в голову не пришло засовывать руку между досками и проверять, есть ли там что-нибудь. А Саше пришлось, потому что он вообще повсюду засовывал руки.

– А ну вылезай из фонтана, чудо! Ноги промочил! Бабушка меня дома убьет! – завопила Катя.

– Она меня убьет, – сказала Алена.

– Нет, тебя она не убьет. Она убьет меня, потому что она понимает, что я главная, – скромно сказала Катя.

Саша вылез из фонтана с черепахой в руках. Черепаха не подавала признаков жизни. Ее лапы и голова были спрятаны внутри панциря.

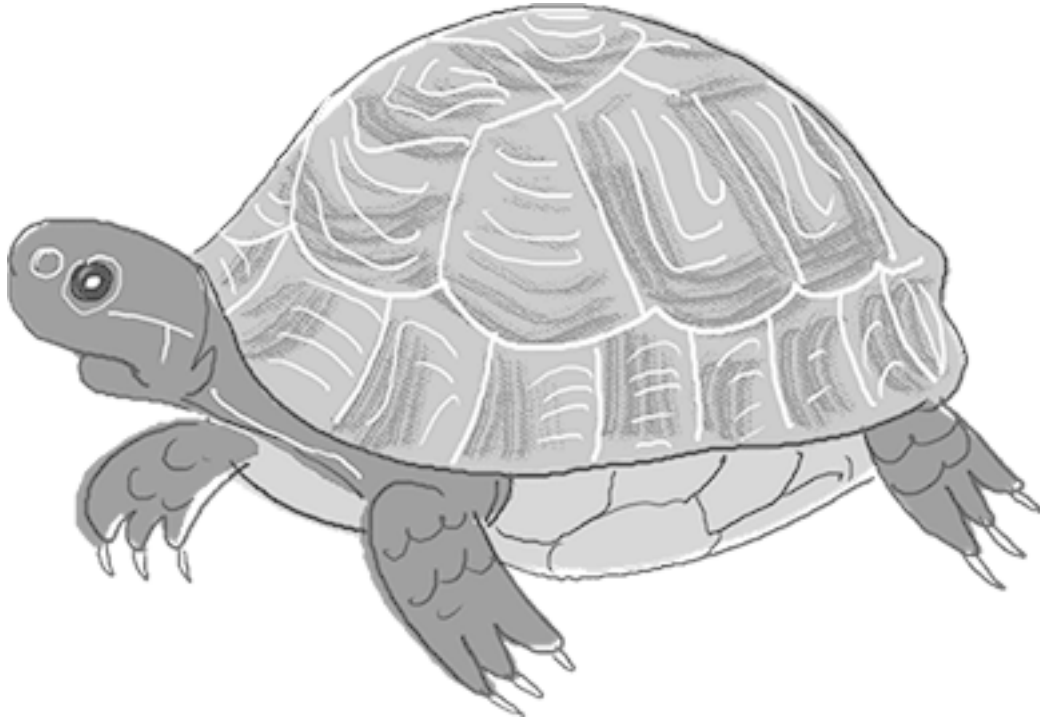
– Она сдохла! Замерзла! – сказал Андрей.

– Нет, она в спячке, – заспорила Катя.

– Давайте ее поковыряем гвоздиком, чтобы она проснулась! – предложил Саша.

– Я тебе поковыряю! – сказала Катя и, отобрав у него черепаху, сунула ее под куртку.

Черепаха была размером с салатницу и довольно тяжелая.

Продрогшие, но довольные, они вернулись домой с болотной черепахой и ноющим Сашей, который, мало того что ноги промочил, ухитрился еще где-то потерять шапку. Хорошо еще, что бабушка с прабабушкой пока не вернулись и дома были только папа с мамой.

– Они меня простудили! Мою шапку потеряли, а теперь не дают черепаху трогать, которую я нашел! – возмущался Саша.

– А ты пробовал куртку застегивать? И у тебя, между прочим, капюшон был! – сказала мама.

– Ой! Я и не подумал! – спохватился Саша.

– О чем не подумал? Куртку застегнуть? Или о капюшоне?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.